

Поэтика крестопоклонной гимнографии: культурологический подход

В статье рассматриваются песнопения, посвященные Кресту Господню, с точки зрения поэтики и богословия. Через анализ метафор и специальных поэтических средств показывается общее и различное в восточнохристианском и западнохристианском восприятии событий, связанных с Животворящим Крестом.

Ключевые слова: гимнография, Крест, Крестовоздвижение, поэтика, метафора, культурные особенности.

Культурологический метод при анализе текста помогает осознать коммуникацию как творение смыслов и обмен смыслами, притом что и сама коммуникация является культурно обусловленной: «Культурные значения представляют собой закрепленное за языковыми единицами содержание, маркированное с точки зрения его национальной или этнической принадлежности, и выступают как основа для формирования культурных смыслов в процессе коммуникации» [1, с. 138]. В контексте настоящей статьи к приведенному определению уместно добавить и религиозную принадлежность, так как религия представляет собой такой же культурный маркер, как и национальность.

Термин, вынесенный в заглавие как определение ряда гимнографических текстов, довольно условен: «крестопоклонной» в данном случае называется гимнография не только Крестопоклонной недели, то есть третьего воскресения Великого поста, которое посвящено Кресту Господню: мотив поклонения Кресту встречается и в песнопениях праздника Воздвиженья Креста, а также Происхождения Честных Древ (14 августа н. ст.), Явления знака Креста на небе (7 мая ст. ст., 20 мая н. ст.). Все эти крестные песнопения составляют корпус гимнографических текстов, посвященных Кресту Господню. Кроме того, в этот корпус входят те крестные песнопения, которые имеются в Октоихе на службах сред и пятниц всех гласов.

В данной статье разбираются лишь некоторые из указанных текстов с целью не только собственно аналитической, но и культурологическо-сопоставительной: при сравнении славяно-византийских, восточнохристианских песнопений и западнохристианских гимнов становится наглядным не только сходно, но и различное в религиозной культуре христианского Востока и христианского Запада.

В каноне Честному и Животворящему Кресту (творение Григория Синаита, примерно конец XIII века) [2, с. 125-133; далее канон цитируется по этому изданию] основным поэтическим приемом является прием олицетворения: Крест Господень здесь предстает как одушевленное существо. Интересен тот ряд синонимов, который дается как характеристика Креста (при цитировании первая цифра обозначает номер песни, вторая – номер тропаря): «Кресте, ты ми сила буди, крепость и держава, избавитель и предратник на борюция мя, щит

VI Церковное музыкальное искусство...

и хранитель, победа и утверждение мое, присно соблюдая мя и покрывая» (1, 3). То есть в каноне метафоры, относящиеся к Кресту Господню, распадаются, по крайней мере, на три смысловые группы:

- метафоры и определения, связанные с семантикой войны, борьбы, защиты (Крест как щит, крепость, победа и т. п.), например: «Крест врагов губитель, Крест злочестивых язва и пленение, и верных держава, благочестивых хранитель и бесов отгонитель» (6, 2).

- метафоры, номинации, отсылающие к Страстям Христовым, и при этом контаминирующие с семантической группой «война, оружие»: «Высота Христовых страстей, и лук и оружие и меч, оружие непостыдное, и сила непобедимая, Христово подножие, и победительство на враги; знамение Царствия, скиптре верных, показался еси, Кресте победоносный» (8, 1).

- олицетворения, метонимии, при которых происходит перенос спасительных действий Христа на Крест: «Воздвигл еси наше падшее естество Христом распеншимся и совозставил; высоту Божественная, глубинно неизглаголанная, Христово ты еси знамение, Кресте пребогате, и широта безмерная, и знамение непостижимыя Троицы, жизноточе» (8, 2).

В последнем приведенном тропаре восьмой песни также содержится важная особенность крестопоклонных песнопений: событие Распятия и вообще всё, что связано с Крестом Господним, приобретает вселенские масштабы, и сам Крест разрастается до размеров всего мира («высоту Божественная», «широта безмерная»).

В стихире, принадлежащей Льву Деспоту (IX – начало X вв.), сопоставляются два значимых события Священного Писания и Священного Предания – Распятия и обретения Креста [3, с. 45]:

«Восплещем днесь песненное торжество, и светлым лицеем, и языком ясно возопим: нас ради, Христе, суд приемый, и оплевания и раны, и червленицею одевающийся, и на крест взошед, Егоже видевшие солнце и луна свет скрыша, и страхом земля колебашеся, и завеса церковная раздрася на двое: Ты и ныне даруй Крест Твой Честный нам, блюстителя и хранителя, и прогонителя демонов, яко да вси обლობызающе, вопием ему: спаси ны, Кресте, силою твоею, освати ны светлостию твоею, честный Кресте, и укрепи ны воздвижением твоим, яко свет нам дарован еси, и спасение душ наших».

В этой стихире действует прием противопоставления и одновременно сведения воедино двух событий – евангельского и церковно-исторического: с одной стороны, речь идет о Распятии Христа (Крест как образ скорби), с другой – обретение и воздвижение Животворящего Креста (Крест как образ спасения и радости). Таким образом, здесь имеет место антиномия или соединение несоединимого: скорбь и радость не только соплагаются, но и соединяются в пределах одного гимнографического текста.

Поэтические приемы, использующиеся в крестопоклонной гимнографии, – это чаще всего антиномии, как было указано выше, «однако в гимнографии Кресту эти приемы дополняются олицетворением, обращением к Кресту как к живому существу, как к отдельному персонажу церковной истории, а также другими образами-символами, описывающими и событие Крестовоздвиженья, и сам Крест (свет, красота, радость)» [4, с. 14].

Также крестопоклонная гимнография включена в корпус песнопений Страстной седмицы, однако там Крест – уже не одушевленное существо: в пес-

нопениях Страстной седмицы речь идет о целостной картине, о том, что именно произошло в день, в момент Распятия. Здесь обыгрывается тот богословско-поэтический прием, о котором говорилось выше, – расширение границ события Распятия до масштабов всей вселенной.

В песнопениях Великой Пятницы (стихиры самогласны после 9-ого Евангелия от Иоанна на утрени) Крест становится синонимом страдания (особенно это видно в выражении «крест претерпел за спасение мира»):

«Распеншуся Ти, Христе, вся тварь видящи трепеташе, основания земли позыбашася страхом державы Твоея; Тебе бо вознесшуся днесь, род еврейский погибе, церковная завеса раздрася надвое, и мертви от гробов воскресоша, сотник, видев чудо, ужасеся. Предстоящи же Мати Твоя вопияше, рыдаючи матерски: како не возрыдаю и утробы Моея не бию, зрящи Тя нага, яко осуждена, на древе висяща? Распныйся и погребыйся, и воскресый из мертвых, Господи, слава Тебе.

И ныне, глас той же: Плещи Моя дах на раны, лица же Моего не отвратих от заплеваний, судищу Пилатову предстах и крест претерпех за спасение мира».

То же мы видим в тропарях последования часов Великой Пятницы (час девятый): «Видя разбойник Начальника жизни на кресте висяща, глаголаше: аще не бы Бог был воплощся, Иже с нами распныйся, не бы солнце лучи [своя] потаило, ниже бы земля трепещущи тряслася. Но вся терпай, помяни мя, Господи, во Царствии твоём» [5, с. 246-247]. Описываемая картина («солнце лучи потаило», «земля трепещущи тряслася») коррелируется с евангельским описанием момента Распятия, то есть стихиры как будто разворачивают лаконичный евангельский текст, становясь экзегетическим опытом.

Славяно-византийская гимнография, безусловно, является видом экзегезы, поэтому рассмотрение текстов представляет собой своеобразный герменевтический анализ: «Гимнографические тексты выполняют герменевтическую функцию, поэтому важно исследование гимнографии с точки зрения не только истории, но и поэтики, так как именно поэтика является ключом к постижению богословских истин, заложенных авторами» [4, с. 16]. Кроме того, богослужебные тексты – это носители культурных смыслов: миропонимание отражается в языке, поэтому сопоставление гимнографических текстов различных христианских конфессий позволяет увидеть разницу в восприятии событий Священной истории.

Так, в западнохристианской гимнографической традиции мы не увидим такого обилия песнопений, посвященных именно Кресту Господню, в которых Крест становился бы одушевленным существом (подобно тому, как это произошло в славяно-византийском каноне на Крестовоздвиженье). Более того, основная часть западнохристианских песнопений, доньше исполняющихся в богослужениях Римско-Католической Церкви, – это песнопения Страстной седмицы, точнее – Великого Триденствия (три дня до Пасхи, Святые Четверг, Пятница и Суббота). В них Крест – это синоним страдания, скорби, горечи, но и спасения и избавления от греха и смерти. Однако для этих песнопений характерно заострение внимания именно на Страстях Христовых: недаром в богослужебной практике Западной Церкви закрепилась практика стаций или стояний, повторяющих Крестный путь Христа, во время которых читают фрагменты Евангелия с описанием Страстей Христовых и поют скорбные песнопения, включающие диалог Христа и распявших Его иудеев (так называемые обличительные песни).

Таким образом, западнохристианские песнопения акцентируют только один аспект понимания Крестной жертвы – Крест воспринимается, прежде всего, как Это различие культурных смыслов точно охарактеризовал С. С. Аверинцев: «На Западе христианское искусство вступает на стезю, приводящую к разработке предельного эмоционального контраста между скорбью Страстной Пятницы и триумфом Пасхи», в то время как в православном (византийском и древнерусском) искусстве видна «мистическая перспектива, в которой Страстная Пятница и Пасха переживаемы как абсолютно неразделимые грани одной и той же реальности» [6, с. 439]. Перспективы дальнейшего исследования гимнографических текстов различных христианских традиций находится именно в этой плоскости: через анализ языковых особенностей прийти к интерпретации и рецепции особенностей сознания и мировосприятия.

Литература

1. Леонтович, О. А. Методы коммуникативных исследований. – М. : Гнозис, 2011.
2. Канонник. – СПб. : Сатисъ, 2004.
3. Скабалланович, М. Н. Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. – Киев: Пролог, 2003.
4. Волкова, А. Г. Поэтико-богословские особенности славяно-византийской гимнографии в честь Креста Господня // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток: мат-лы Междунар. науч. -практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVIII Кирилло-Мефодиевские чтения». – 2017. – С. 12-16.
5. Службы Страстной седмицы. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2008.
6. Аверинцев, С. С. Византийский культурный тип и православная духовность: некоторые наблюдения // Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – СПб. : «Азбука-классика», 2004.

A. G. Volkova

Poetics of cross hymnography: cultural approach

In the article there is the analysis of hymnography for the Holy Cross in poetical and theological aspects. Through metaphorical and poetical interpretation one can find out common and different features of Eastern Orthodox Christianity and Western Roman-Catholic Christianity in their approach to the events connected with the Vivifying Cross.

Keywords: hymnography, the Holy Cross, the Elevation of the Holy Cross, poetics, metaphor, cultural features.

References

1. Leontovich O. A. Metody kommunikativnyh issledovanij [Methods of communicative research]. Moscow, 2011.
2. Kanonnik [Canon]. St Petersburg, 2004.
3. Skaballanovich M. N. Vozdvizhen'e Chestnago i Zhiotovoryashchego Kresta Gospodnya [Holy-Cross Day]. Kiev, 2003.
4. Volkova A. G. Poehtiko-bogoslovskie osobennosti slavyano-vizantijskoj gimnografii v chest' Kresta Gospodnya [Poetical and theological features of the Slavonic-Byzantine hymnography in honor of the cross of the Lord] // Topical issues of the study of world culture in the context of the dialogue of civilizations: Russia-West-East: proceedings of the international scientific and practical conference «Slavic culture: origins, traditions, interaction. XVIII, Cyril and Methodius readings». – 2017. – P. 12-16.
5. Sluzhby Strastnoj sedmicy [Holy week services]. Holy Trinity Lavra of St. Sergius, 2008.
6. Averincev S. S. Vizantijskij kul'turnyj tip i pravoslavnaya duhovnost': nekotorye nablyudeniya [Averintsev, S. S. Byzantine cultural type and Orthodox spirituality: some observations]. St Petersburg, 2004.